

Аннотация: В статье рассматривается эволюция аристократической критики королевской власти конца XVII – середины XVIII вв. Приведены различные варианты дворянской критики от требования возвращения к старине до предложений скорейшего реформирования страны.

Ключевые слова: французская аристократия, дворянство, абсолютизм, критика королевской власти, проекты реформ.

Проблема критики французского абсолютизма связана с двумя аспектами. С одной стороны, налицо взаимосвязь с эволюцией абсолютизма во Франции. С его развитием критика лишь набирает обороты. Второй аспект связан с верхушкой второго сословия Франции – аристократией. С усилением королевской власти влияние аристократов в центре и на местах сокращается. Они вынуждены согласовывать свои действия с королевскими чиновниками или лично с королем, что и вызывает ответную реакцию критики.

На период XVII в. наметились две тенденции в критике существующей власти во Франции. Первая идет с XVI в. и требует возвращения к старой сословно-представительной монархии, где аристократы играли ведущую роль. Вторая выступает за реформы и направлена на будущее.

Историки затрагивали вопросы абсолютистской критики во Франции, в большей степени характеризуя события этого периода или биографии королей [1; 2; 3], а также рассматривая проблемы, связанные с развитием французского дворянства и его взаимодействием с королевской властью [4, 5].

Цель статьи - проследить эволюцию аристократической критики французского абсолютизма на протяжении конца XVII-середины XVIII в.

После Фронды долгое время наблюдалось затишье: аристократы, поверженные королевской властью, открыто не высказывали своего недовольства. К тому же, политика Людовика XIV была гибкой к проигравшей стороне – простили большую часть аристократов за исключением ряда их предводителей. Начало и само царствование Людовика XIV также способствовало росту его авторитета как на международной арене, так и внутри Франции. Король, видя опасность в аристократии, с одной стороны, пытался привлечь ее на свою сторону, одаривая пенсиями, придворными должностями, с другой стороны – собрал все родовитое дворянство в Версале, чтобы оно было далеко от своих земель.

Первая половина царствования была спокойной и удачной для страны. Франция восстановилась от разрухи и процветала. Вся страна, включая и аристократов, была довольна сильным королем. Военные и экономические приобретения также многих радовали. Это способствовало благоприятной обстановке внутри страны. Аристократы смирились с поражением, видя положительное влияние абсолютизма на страну, поэтому с их стороны в данный период не было никаких выступлений против королевской власти. Все изменилось со временем – военные поражения, экономический кризис конца XVII века заставили многих задуматься.

Высшее дворянство снова начало винить во всех бедах абсолютистскую власть. Именно тогда пишется ряд произведений, открыто критикующих абсолютизм и пытающихся найти выход из кризиса.

Начало дворянского недовольства существующим порядком совпало с еще большим расширением монархической власти при Людовике XIV. Дворянская оппозиция открывала дорогу политике Просвещения, критика которого стала разрушать основы абсолютизма.

С Фенелона, Шеврёза, Бовилье развивается идея аристократической монархии, правление которой заменило бы ответственные власти в деспотическом правлении монарха, который не должен считать себя единственной произвольной властью, разделенной между могуществом властей и званиями, то есть заслугами. Дворянская элита и элита третьего сословия занимали в администрации, армии, суде, в зависимости от их способности и их значения, положение независимости по отношению к правительственному деспотизму. Всюду дворянство должно быть предпочтительнее, когда оно соединяло заслуги с должностями. В Советах должны занимать места лучшие люди, то есть, если следовать Сен-Симону, люди «некоторой консистенции»: которые через их рождение и их «учреждения» были более привязаны к государству, более выносливы к произволу властей [6, Р. 28-29.].

Недовольство политикой абсолютизма выражали отдельные представители аристократии, которые видели спасение от неминуемой гибели в возврате к старине и восстановлении патриархальных порядков (герцог де Сен-Симон «Мемуары», изданные в 1691 г., и епископ Фенелон «Приключения Телемака», опубликованные в 1695 г.). Другие, пытались осмыслить ситуацию, требовали изменения в управлении страной, как Фенелон в своем другом произведении («Письмо Фенелона к Людовику XIV»).

Герцог де Сен-Симон, недовольный новыми порядками, являлся одним из теоретиков дворянской идеологии. В своих «Мемуарах», изданных в 1691 г., он высказывался за возвращение к недалекому прошлому, во времена Ришелье, когда дворяне находились в управлении страной. Он считал, что абсолютная монархия вредна для Франции. Поэтому, по его мнению, нужно отбросить абсолютизм и вернуться к монархии, где дворянство имело реальную силу и служило на благо государства. Король мог сознавать подлинные интересы страны только тогда, когда прислушивался к советам дворян. Если отнять у дворянства законно принадлежащую власть, «то все окажется беспорядком, непоследовательной узурпацией прав, посягательством на характер национального правления, извращением понятий, деградацией монархии, величайшей опасностью для достоинства и самой жизни королей» [7, с. 16].

В 80-х гг. XVII века Фенелон (Франсуа Салиньяк де Ламот-Фенелон), потомок старинного дворянского рода, прямо обратился к королю с так называемым «Письмом Фенелона к Людовику XIV». В нем Фенелон обращал внимание короля на негативную сторону королевского управления: «Уже почти тридцать лет как ваши главные министры поколебали и низвергли древние правила государства, чтобы возвысить как можно больше вашу власть, которая сделалась также и их, потому что она находится и в их руках» [8, с. 17]. Он сожалел, что все изменилось в стране, что «вся Франция не что иное, как огромная больница, и без запасов; чиновники унизились и истощились; дворянство, все умение которого состоит в повелении, живет только защитительными королевскими грамотами; вы, государь, обеспокоены

толпой людей, которые просят и ропщут». [8, с. 17]. А о дворе короля он писал так: «Говорят не о государстве, не о правилах, - а только о короле и его увеселениях; ваши доходы и расходы умножаются до бесконечности, вас превозносили до небес за то, что испытали величие всех ваших предшественников, то есть, чтобы привести Францию в бедность, дабы ввести при дворе ужас роскоши» [8, с. 28.] Фенелон хотел показать Людовику реальное положение дел в стране и заставить его изменить управление. И лучшим способом, по мнению Фенелона, было вернуться к старине.

В 1691 г. были изданы анонимно «Вздохи порабощенной Франции», где критиковалось государственное управление Людовика XIV. Автор памфлета показывает реальное положение дел в стране, критикуя королевскую власть: «Король занял место государства: теперь это – служба королю, интерес короля, сохранение провинций и имений короля; словом король – все, а государство – ничто, эти слова – действительные вещи: при дворе Франции не знают иного интереса, кроме личного интереса короля; это идол, которого все приносится в жертву» [9, с. 328]. Этот памфлет начинается с восхваления английской революции, но французам, по мнению автора, нет надобности идти по английскому вооруженному пути. «Не нужно никаких новшеств, нужно только восстановить нашу старинную свободу, легальным путем вернуть монархию в ее древнюю форму, чтобы сдерживать королей в справедливых границах власти» [10, с. 17]. Автор большие надежды возлагает на дофина, который должен заменить по обоюдному соглашению на престоле отца.

В то же самое время ряд дворян открыто не критиковали королевскую власть, но, обращаясь к историческому прошлому страны, когда дворянство было во главе управления, косвенно упрекали монархии в изменении своего положения. Они выдвигали собственные проекты развития дворянства и страны.

Так, тот же Сен-Симон был недоволен королевской политикой в отношении герцогов-пэров. Возмущен, когда 15 декабря 1663 года одновременно было возведено в герцогское достоинство сразу 14 человек. Сен-Симон полагал, что новые герцоги-пэры не были равны по своему положению остальным. Он считал, что создание новых герцогств-пэрств внесет различия среди пэров, их численность будет расти, и они потеряют авторитет высокого положения. Новые пэры будут зависеть от королей в большей степени, чем старые, и создастся, по Сен-Симону, «разделение старинного положения». В своих «Проектах правительства» герцог Сен-Симон предложил ограничить количество герцогств-пэрств.

Количество пэров должно достигать, по Сен-Симону, сорока, количество герцогов-не пэров, зарегистрированных парламентом, сводилось к пятнадцати, число герцогов по королевской грамоте – к восьми. Старшие сыновья пэров и зарегистрированные герцоги должны считаться герцогами по королевской грамоте. Сен-Симон признавал, что эти цифры соответствовали для жен герцогов числу персональных мест (табуретов). Вычитая семь пэров-епископов, такая система приводила к учреждению ста четырех мест [11, р. 366-367].

Фенелон в своих исторических драмах пытался донести мысли об идеальном порядке. Его творения были посвящены прошлому, и через прошлое он выходил на настоящее. Он вкладывал в уста героев свои мысли и идеи о «современных» проблемах Франции. Например, в «Телемаке» Фенелон устами мудрого советника Телемака Ментора говорил об управлении страной: «Счастливым народ, управляемый мудрым государем, он в изобилии благоденствует и любит того, кому обязан своим благоденствием; царствуй и ты так Телемак, будь отрадою для подданных, люби народ как детей своих; цари, сильные страхом, жезлом железным пасущие подданных, чтобы они под ярмом были покорнее, бичи

рода смертных: они, достигая своей цели, - страшны; но и проклинаемы и ненавидимы». Ментор, наставляя Телемака царскому ремеслу, говорит по этому поводу: «Обманчив царский венец: издали – величие, блеск, веселье; вблизи – труд и печали. Царь принадлежит не себе, а своим подданным, никогда не властен жить для себя» [12, С. 29].

В первой половине XVIII века писал свои произведения Монтескье, принадлежавший к старинному роду парламентской аристократии Бордо. Он много путешествовал, объездил всю Европу, но именно Англия с ее конституционной монархией стала для Монтескье идеалом политического устройства. Он считал, что идеал для Франции – «это король, ограниченный привилегированными и независимыми сословиями, не Генеральные штаты, но магистратура охраняла основные законы; дворянству нужно запретить занятия торговлей, нужно закрыть крупные торговые компании, которые уничтожили бы иерархию среди сословий» [13, с. 150]. Монтескье требовал славу для дворян, гражданскую свободу для народа.

Он обосновывал существование наследственной аристократии с помощью просветительских политико-юридических категорий. Принимая идею природного равенства людей, Монтескье доказывал целесообразность, с точки зрения общего блага, существования во Франции привилегированной категории граждан внутри нации. Наследственной знати, по его мысли, должна принадлежать «промежуточная власть» (*puissance intermédiaire*), социальные функции которой – создавать равновесие между монархом и народом. Дворяне от рождения обладали привилегированным статусом, являлись естественными поборниками свободы и врагами деспотизма, который посягал на их привилегии. Монтескье в своей теории оправдывал существование дворянства и парламентов как защитников народа от деспотии королевской власти [14, С. 199].

В своем знаменитом произведении «О духе законов», изданном в 1748 г., Монтескье писал: «Монархия гибнет, когда государь полагает, что он покажет большее могущество, изменяя порядок вещей, чем соблюдая его неизменным, когда он отнимает у одних принадлежащие им по праву должности, чтобы произвольно передать их другим, и когда он больше влюблен в свои фантазии, чем в решение своей собственной воли» [15, р. 177]. Монтескье здесь говорил о Людовике XIV, в царствование которого наиболее проявились, по его мнению, деспотические черты. Монтескье предостерегал королевскую власть об опасности неограниченной власти [15, р. 186].

Монархия погибает, когда государь, все относя единственно к самому себе, сводит государство к своей столице, столицу – к своему двору, а двор – к своей особе. Аристократия терпит ущерб, когда власть знати становится произвольной: при этом не может быть добродетели ни у тех, которые управляют, ни у тех, которыми управляют. Для Монтескье идеальной формой правления являлась монархия, ограниченная аристократическим советом. Он считал, что нельзя позволить существование монархии без наличия привилегированного большинства, без существования богатых купцов и предпринимателей и родовитого дворянства.

Идеи Монтескье были одобрены частью французского дворянства, охотно принявшей на свой счет концепцию «промежуточных властей». Увлечение французского дворянства произведениями философов-просветителей и восприятие им просветительского политического словаря и просветительской манеры мышления еще не означало, что оно прониклось идеей гражданского равенства и готово было ниспровергнуть Старый порядок. Принципы свободы личности и естественного права уживались в его сознании с приверженностью сословным привилегиям. Однако просветительское свободо-

мыслие, отрицание любых авторитетов готовили почву для разрыва части дворянства и аристократии с традиционными сословными ценностными ориентациями и стереотипами мышления. В 1788-1789 гг. дворяне-либералы — среди них были Мирабо, Лафайет, Ламеты и другие будущие участники революции — поддержали требования третьего сословия о гражданском равенстве и об уничтожении противоречащих «естественным правам человека» сословных различий [16, с. 73].

Монтескье, критикуя королевскую власть за ее абсолютистский характер, вовсе не стремился к масштабным изменениям в современном ему обществе, так как оно его устраивало в большей степени, он лишь высказывался за наделение большей властью парламента и аристократии и за ограничение королевской власти. Он стремился к реформированию государства, а не к его разрушению.

Другим критическим трудом, составленным от имени маршала, герцога де Бель-Иля являлось «Завещание» или «Завет». В этом апокрифе писалось о необходимости изменений в государственном управлении, о правильном выборе королем министров и генералов. Главным для государственного и военного человека должен быть талант, знание. Раньше качествами министров обладали представители аноблированного дворянства, так как высшее дворянство не считало почетным быть министрами и не обладало достаточными знаниями. Но теперь, по мнению автора, положение изменилось, и нужно заменить министерские посты «дворянства мантии» на высшее дворянство. Он считал, что для государственного управления нужно образование и знатность. «Одни министры старались прежде во Франции приобрести нужные таланты — были людьми мантии, а высшее дворянство страстно увлекалось гордыней, думая, что для него более почетно раболопно пресмыкаться при дворе, чем изучать великих людей и пытаться служить родине и занимать это достойное место; оно проводило время за этикетом, за торжественными пустяками, чем занималось серьезными делами в этой легкомысленной стране. Только война могла отвлечь его от этих дел» [17, р. 50-56]. Но к середине XVIII в. Дворянство, хотя и не прекратило заниматься «пустяковыми» вещами, но становилось пригодным для министерских мест, поэтому король имел свободу выбора [17, р. 83].

С одной стороны, в «Завещание герцога де Бель-Иля» высказывалось против массового участия «дворянства мантии» в государственном управлении, когда короли его назначали на все ответственные посты, но, с другой стороны, критиковалось и высшее дворянство, которое не особенно стремилось к этим постам, предпочитая государственную службу придворной. Со временем это положение изменилось, аристократия стала образованной и могла участвовать в политической системе страны. Поэтому в этом документе и предлагалось королевской власти чаще ставить на министерские посты и, особенно на пост военного министра, высшее дворянство. Место в военном департаменте становится более значимым, и при слабом монархе, или слишком занятом, чтобы во все вникать, министр мог упрочить свою власть. Таким образом, предлагалось облагородить государственных служащих. Поместить рядом с королем на должности министров родовую аристократию. Так, образованные аристократы, преданные королю и поставленные на ведущие посты, будут заботиться о благе государства и сословия.

До середины XVIII в. аристократия удерживала лидирующие позиции в общественной мысли, но во второй половине века, благодаря развитию идей Просвещения, философы и писатели стали популярны в обществе, а аристократия их всячески поддерживала. Так, писатели смогли занять освободившееся место в деле руководства умами и использовать его по своему усмотрению. Сама аристократия поощряла их предприятия. А. де Токвиль

писал об аристократии этого времени: «Она настолько забыла о механизме превращения однажды принятых общих теорий в политические страсти и действия, что учения, наиболее противоречащие ее сословным правам и самому ее существованию, казались ей изощренной игрой ума. Знать охотно предавалась этой игре ради времяпрепровождения, безмятежно пользуясь своими льготами и привилегиями, рассуждая об абсурдности установленных обычаев» [18, с. 114-115].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Блюш Ф. Людовик XIV. М.: Ладомир, 1998. 817 с.
2. Птифиз Ж.-К. Людовик XIV. Слава и испытания. СПб.: Евразия, 2008. 382 с.
3. Блуменау С. Ф. Людовик XV // Вопросы истории. 2000. №9. С. 62-82.
4. Пименова Л. А. Дворянство накануне Великой французской революции. М.: Наука, 1987. 217 с.
5. Хеншелл Н. Миф абсолютизма: перемены и преемственность в развитии западноевропейской монархии раннего Нового времени / Пер. с англ. СПб.: Алетей, 2003. 272 с.
6. Chossinand-Nogaret G. La noblesse au XVIIIème siècle. De la Feodalité aux Lumières. P.: Editions Complexe, 1976. 246 p.
7. Сен-Симон. Мемуары. Полные и дополненные воспоминания герцога де Сен-Симона о веке Людовика XIV и регентстве. Т.2. М.-Л.: Академия, 1936. 475 с.
8. Письмо Фенелона к Людовику XIV / Перевод с фр. Л. Перовского. М.: Изд-во Университетской типографии, 1808. 42 с.
9. Кареев Н. И. Западноевропейская абсолютная монархия XVI, XVII и XVIII веков. (Общая характеристика бюрократического государства и сословного общества «старого порядка»). СПб.: б/и, 1908. 452 с.
10. Савин А. Н. Оппозиция во французской литературе великого века // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1913. ноябрь. С. 1-18.
11. Labattu J.-P. Les ducs et paires de France au XVIII siècle. P.: Presses universitaire de France, 1972. 456 p.
12. Фенелон Ф. Телемак / Нов. перевод Ф. Лубянского. Ч.1. СПб.: Гуттенбергская типография, 1839. 330 с.
13. Цит. по: Сорель А. Монтескье / перевод М. Г. Василевского, под ред. Н. И. Кареева. СПб.: Типография М. С. Стасюлевича, 1898. 298 с.
14. Плавинская Н. Ю. Монархия и республика Монтескье // Монархия и народовластие в культуре Просвещения. М.: Наука, 1995. 238 с. С. 193-202.
15. Montesquieu Esprit des lois. Avec les notes de l'auteur et un choix des observations du Dupin, Crevier, Voltaire et d'autres. P.: Librairie de firmin Didot, frères, fils et Cie, imprimeurs de l'institut. 1864. 600 p.
16. Пименова Л. А. Просвещение и «дворянский расизм» (особенности идеологии и культуры французского дворянства XVIII в.) // Французская революция в XVIII в. Экономика, политика, идеология. М.: Наука, 1988. 269 с. С. 59-74.
17. Belle-Isle, duc de Testament du maréchal duc de Belle-Isle. P.: Aux dépens des Libraires affaires, 1762. 184 p.
18. Токвиль А. де. Старый порядок и революция. М.: Моск. философ. фонд, 1997. 251 с.

ARISTOCRATIC CRITICISM OF FRENCH ABSOLUTISM
IN THE LATE XVII - MIDDLE XVIII CENTURIES

© 2013

Е.А. Куцева, candidate of the historical sciences, associate professor of the department
of «World history and methodology of education»
Samara State Academy of Social Sciences and Humanities, Samara (Russia)

Annotation: The article looks upon the changes in the aristocratic criticism of the royalty in the late XVII - middle XVIII centuries. The author gives the examples of various forms of aristocratic criticism from demanding of return to old traditions to suggesting that there should be reforms.

Keywords: French aristocracy, nobility, absolutism, criticism of royalty, reform projects.

УДК 94(420)

«ИМПЕРИЯ В МИНИАТЮРЕ»: ИСТОРИЯ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В ПОИСКАХ
МАСШТАБА И РАКУРСА

© 2013

С.Г. Малкин, кандидат исторических наук, доцент кафедры
«Всеобщей истории и методики обучения»
Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, Самара (Россия)

Аннотация: Статья посвящена современным подходам к историографии о Британской империи; особое внимание уделяется научным перспективам компаративистских исследований окраинной и колониальной политики современных европейских империй, соотношению параллельных процессов формирования национальной идентичности и строительства империи.

Ключевые слова: империя, колония, окраина, Великобритания, Шотландия, Ирландия.

Одним из важнейших достижений историографии, посвященной Британской империи, в последние два десятилетия представляется преодоление гипнотического воздействия малопродуктивной оппозиции европейских морских и континентальных империй Нового времени, приводившей к ошибочной абсолютизации естественных различий между ними. Не удивительно, что до недавнего времени (в ряде случаев и до сегодняшнего дня) в качестве аналогов Британской империи рассматривались преимущественно Французская или Испанская колониальные империи. Разумеется, едва ли не важнейшим предметом сопоставления в этом случае являлись заморские владения этих держав, а объектом изучения – колониальная политика за океанами. Фактически вплоть до конца XVIII в. историки смотрели на Британскую империю глазами самих британцев, либо вовсе отрицавших представление о собственной стране как об империи (о Соединенном (с 1707 г.) Королевстве Великобритании и (с 1801 г.) Ирландии), либо соглашавшихся отнести к ней лишь заморские колониальные владения. Даже на рубеже XIX–XX вв., в момент расцвета Британской империи, классик теории британского империализма, профессор Кембриджского университета Джон Роберт Сили был вынужден разъяснять своим соотечественникам, что такое «Великая Британия» и в чем связь между колониализмом, империализмом и процветанием Великобритании в будущем [1]. Даже провозглашение королевы Виктории императрицей Индии в откровенно имперском XIX в. (1876 г.) вызвало в Британии неоднозначную реакцию. Лидер либералов Гладстон определил произошедшее как «театральную напыщенность», а лидер тори и тогдашний премьер-министр Б. Дизраэли заявлял, что «имперский стиль может понравиться индийским радхам» (о том, понравится ли он британцам в метрополии, умалчивалось) [2, с. 192].

Между тем, Анна Лора Столер и Фредерик Купер, изучавшие морские империи, высказали важное методологическое наблюдение: «Концепции долгого XIX в. в европейской истории слишком сосредоточены на “нации-государстве” и проявляют недостаточный интереса к “империи”» [3, с. 51]. Этот тезис развил недавно Генри Кеймен: «Мы привыкли к мысли о том, что Испания создала свою империю, но полезнее было бы поработать с идеей о том, что империя создала Испанию» [4, с. 10]. Схожую мысль применительно к истории Британской империи высказала Линда Колли, показав, как много значили имперские успехи в формировании обще-

британской идентичности в островной метрополии [5]. Действительно, именно имперские элиты активно способствовали формированию наций в рамках собственных империй и никогда не пытались включить все имперское пространство и всех подданных империи в такой проект национального строительства.

Исключив такую исследовательскую перспективу, многие исследователи истории Британской империи лишили себя возможности заметить то важное обстоятельство, что на протяжении всего XVIII, XIX и даже начала XX вв. более уместно говорить о двух параллельных и тесно взаимосвязанных проектах имперского строительства – на Британских островах и за океанами. При этом в отношениях со своими кельтскими окраинами – Ирландией и Горной Шотландией – Лондон руководствовался, во многом, той же логикой, что и типичные континентальные империи в отношениях со своей периферией, не отделенной от метрополии огромными морскими пространствами.

Как точно определил Алексей Миллер, разрушение «Берлинской стены» в компаративистских исследованиях между морскими и континентальными империями увеличило познавательный потенциал сравнительного подхода к истории империй, в том числе и Британской [3, с. 53]. И если об Ирландии как о «первой колонии Англии» говорили давно, то о Горной Шотландии в таком ключе стали активно писать только с середины 1970 гг. [6; 7; 8]. В современной российской британистике это направление исследований еще формируется [9; 10]. О включенности кельтских окраин в процессы имперского строительства за морем на правах активных участников и авторов колониальных проектов заговорили только в 2000 г. [11; 12].

Между тем, включенность Ирландии и Шотландии в процесс имперского строительства по-прежнему подразумевает, прежде всего, участие ирландцев и шотландцев в колониальных предприятиях за рубежом, в отрыве от имперских процессов, протекавших в островной метрополии. В рамках институциональной истории, пожалуй, именно Джоффри Плэнк первым обратил внимание на то, как британские генералы и администраторы приобретали колониальный (если не всегда по форме, то часто по содержанию) опыт управления в Хайленде. Этот опыт они применяли затем в заморских владениях (и верно обратное), представив британскую армию в Горной Стране не столько инструментом в руках правительства, сколько самостоятельным институтом с собственными